

Фиби только успела сесть, подавшись корпусом к рабочему столу в намерении основательно представить свою новую идею, как Мо Цянь одним словом разрушил её планы, отчего она от удивления вытянулась в струнку.

— Откуда ты знаешь?

— С самой второй секунды нашей встречи твой взгляд прилип к Гуньгуню, — невозмутимо пояснил Мо Цянь.

— Мисс, вы бы подтерли слюнки, — с ухмылкой добавил Майер, нанося удар в спину.

Фиби, в словаре которой слово стыд отсутствовало вовсе, поняв, что разоблачена, решила больше не ходить вокруг да около. Пока её губы произносили «можно мне его погладить», рука уже потянулась к зверьку.

Мо Цянь, на плече которого сидел Гуньгун, чуть развернулся, но не стал уклоняться, так что ладонь Фиби уже коснулась головы малыша. Увидев, что зверек не испугался и не стал прятаться, Мо Цянь отступил в сторону. Фиби, почувствовав свободу, тут же обнаглела: она подхватила пушистый комочек, прижала к груди и начала наглаживать его с головы до пят, с наслаждением на лице победоносно заявляя:

— Раньше на видео освещение было слишком тусклым, я и не замечала, что этот малыш такой милый. Стоило мне увидеть его сегодня, как меня просто затопило вдохновением. Говорю вам, не представить Гуньгуна общественности — это значит зарыть сокровище в землю! Правда ведь, миленький?

Ответом на этот притворно-нежный голос стало то, что серо-белый комочек вытянулся и протянул две маленькие пухлые лапки в сторону Мо Цяня.

Забери меня отсюда.

Мозг Мо Цяня почему-то автоматически перевел движение зверька именно так. А стоявший рядом офицер с детским лицом уже покатывался со смеху.

В этот самый момент Сюн Мао чувствовал в душе только одно большое, жирное и написанное красным шрифтом слово: замешательство.

Едва дав себе зарок приложить усилия, чтобы начать понимать человеческую речь, Сюн Мао даже не успел подивиться тому, насколько высокотехнологично всё в этой комнате, насколько харизматична новая дама в розовом платье и насколько располагает к себе солдат с детским лицом, как его внимание полностью переключилось на их голоса и выражения лиц. Он отчаянно пытался синхронно наблюдать за их жестами, чтобы хоть немного уловить смысл произносимых фраз.

Если бы выучить иностранный язык было так просто. Несмотря на наличие звука, просмотр этой сцены для Сюн Мао напоминал немое кино без предыстории и представления персонажей — в голове царил сплошной туман.

В самый разгар его попыток угадать хоть что-то, дама в розовом внезапно протянула руку и начала его гладить. Это действие он понял. Кто такой большая панда? Это идеальное оружие милоты, мужчины падают к их лапам, что уж говорить о девушках. То, что эта красавица решила погладить его только сейчас, вызывает лишь восхищение.

Однако, если поглаживания по голове ещё как-то можно вынести, то быть взятым на руки, ощущать на себе ощупывающие движения и прижиматься к высокой груди — это уже за пределами неловкости. Они-то думают, что он просто зверек, но Сюн Мао знает, что внутри него живет взрослый мужчина. Это чувство неловкости от того, что он невольно воспользовался красоткой, заставляло его, никогда не бывавшего в близких отношениях с женщинами, хотеть немедленно сбежать сломя голову.

Сюн Мао инстинктивно искал спасения у своего зрителя, надеясь, что тот поскорее его заберет. Увидев, что мужчина не реагирует, он решил, что тот его не понял, и изо всех сил вытянул передние лапки, поднял их вверх, имитируя хватательные движения, и издал зовущее «ум-ум». Любой бы понял, как он встревожен.

Смех Майера стал еще громче. Мо Цянь не удержался и тоже улыбнулся. Он шагнул вперед, забрал малыша из рук лишившейся всякого энтузиазма Фиби и уложил его на подстилку, которую ему принес дрожащими руками Майер.

Но Фиби была бы не Фиби, если бы так быстро сдалась. Получив отказ, богиня мгновенно пришла в себя и продолжила свою бурную агитацию, явно не желая уходить без достижения цели.

— Посмотри, ну посмотри, как он к тебе привязан! Это же тема куда интереснее, чем просто продемонстрировать твое лицо, сделанное из алмаза. Я уже даже заголовок придумала: «Самое милое существо в истории: холодный генерал с любовью растит инопланетного зверя». Успех обеспечен, рейтинг продержится как минимум два месяца! К тебе будет приковано внимание огромного количества людей, а зверьку от этого хуже не будет. Идеально! — Фиби энергично сжала кулак, вдохновляя окружающих.

Увы, сам алмаз в ответ лишь покачал головой.

— Малыш обретет всеобщую любовь, ты препятствуешь его пути к славе! — отчаянно пыталась она.

— Ему не нужна слава, ему нужно просто расти, — Мо Цянь остался непреклонен.

А тот, кому прочили славу, в это время мысленно благодарил судьбу за то, что его зритель — мужчина, и он вовсе не понимает, о чем они спорят.

Фиби обернулась к Майеру, но тот лишь пожал плечами, не оказав никакой поддержки.

Потратив столько сил впустую, Фиби с досадой взлохматила шерстку комочка, бросила через плечо «проклятие ведьмы» и, топнув ногой, удалилась.

Мужчины, считавшие себя железными воинами, не придали её словам никакого значения, пока однажды это проклятие не сбылось... впрочем, они все равно об этом не вспомнили.

— Желаю вам однажды стать безумными папашами, которые только и делают, что постят фото своих детей!

6. Глава шестая

Красавица ушла, в комнате сразу стало тихо. Неизвестно, на что нажал обладатель детского

лица, но в воздухе внезапно возникло несколько экранных панелей. Они вращались, растягивались и соединялись, образуя дугу, полукругом окружавшую обоих военных.

Сюн Мао казалось, что он смотрит 4D-фильм, но он совершенно не понимал графику и символы на экранах — для него это было лишь бессмысленным зрелищем с дорогими спецэффектами. Он оставил попытки что-то понять и с чистой совестью погрузился в сон.

Когда Мо Цянь и Майер закончили разговор, Мо Цянь опустил взгляд и увидел, что Гуньгун мирно спит.

Малыш спал на боку, подложив одну лапку под подбородок. На кончиках полупрозрачных изогнутых коготков, не покрытых серой шерсткой, что-то блестело.

Мо Цянь коснулся их указательным пальцем и почувствовал влагу. Опять пускает слюни.

Не успел он убрать палец, как Гуньгун внезапно взял его в рот, губы зашевелились, и он принялся грызть его, словно это была еда. Помимо тепла языка и десен, он почувствовал что-то твердое и маленькое, упирающееся в палец — не настолько острое, чтобы проколоть кожу, но вызывающее легкое покалывание.

Мо Цянь проверил пальцем: действительно, режутся зубы.

Когда Сюн Мао проснулся — а во сне он перегрыз все самые дорогие косточки из супермаркета — он обнаружил, что вернулся в свою комнату и что на нем появилась вторая вещь помимо подгузника: слюнявчик с подозрительным пятном. Маленькая панда не удержалась, опустила круглую голову и зарылась мордочкой в свои пухлые лапы.

Грусть продлилась не более трех секунд: новый приступ голода быстро переключил внимание Сюн Мао. Когда желудок снова наполнился молоком, а зритель куда-то исчез, Сюн Мао, лениво развалившись, подумал, что еще раз поспать — вполне неплохая идея.

В полудреме его душа, все еще чувствующая себя чужой в этом мире, размышляла: никогда не думал, что буду жить жизнью, где из дел только еда и сон, но, в сущности, в этом нет ничего плохого.

Может быть.

Хоть он так и думал, после двух дней, проведенных преимущественно в еде и сне, когда его выносили наружу лишь на час-другой, не позволяя получить никакой информации, Сюн Мао решил пойти на риск и попытаться что-то предпринять.

В тот вечер Мо Цянь впервые столкнулся с тем, что с маленьким Гуньгуном бывает нелегко.

С самого момента, как он вошел, комочек начал издавать возмущенные звуки, отворачивался от ласк, отказывался от молока, уползал при попытке сменить подгузник и продолжал капризничать, даже когда с него сняли слюнявчик. Было совершенно непонятно, чего он хочет и что пытается выразить.

На самом деле Сюн Мао и сам не знал, чего хочет. Он просто надеялся, что тот принесет что-то еще, покажет больше информации или хотя бы поговорит с ним. Он жаждал перемен, чтобы поскорее выбраться из состояния слепого, глухого и праздно шатающегося существа.

Поначалу Мо Цянь решил, что зверек заболел, и забеспокоился, но вскоре заметил: стоило ему

заговорить, как малыш сразу затихал и смотрел своими круглыми глазами ему на рот, словно внимательно слушал, а то и читал по губам. Как только он замолкал и принимался за дела, зверек снова начинал шуметь.

Может, он хочет, чтобы с ним поиграли?

Мо Цянь в порядке эксперимента достал все детские игрушки, принесенные Фиби, но зверек их проигнорировал. Однако, когда он извлек обучающий чип «Абсолютный оригинал: как воспитать гениального ребенка», малыш, кажется, заинтересовался, пополз вперед и потянулся к упаковке.

Мо Цянь включил медиакомпьютер на стене, который раньше никогда не использовал, вскрыл упаковку и вставил чип в планшет. На экране появилось видеоменю.

Он бегло просмотрел его: видео состояло из десятков уровней для разных возрастов, начиная с обучения первым словам и узнаванию обычных предметов, заканчивая изучением знаков и простых вычислений. Кроме того, правообладатель добавил бонусные материалы: краткую историю Федерации, географию, биографии знаменитостей, основы наук — информации было огромное количество, настоящая энциклопедия.

Опустив планшет ниже, уменьшив яркость и звук до комфортного для малыша уровня, Мо Цянь запустил первое видео и отступил.

Несмотря на нетерпение, Сюн Мао оценил внимательность мужчины. Понимает тот или нет, неважно, но Сюн Мао издал короткое «ум», выражая благодарность, и уставился на экран.

Посмотрев немного, он с восторгом понял, что смотрит местную версию Улицы Сезам, смешанную с Телепузиками! На экране милый персонаж указывал на дерево и снова и снова произносил название.

Сюн Мао, выросший на научном образовании, сейчас был готов воздать благодарность всем богам, существующим в мире: такое чувство, будто ты долго плыл в одиночестве посреди бескрайнего океана и вдруг наткнулся на лайнер из цивилизованного мира.

Ах, я спасен.

Мо Цянь сидел рядом, подперев подбородок правой рукой, и молча наблюдал за комочком, который был полностью поглощен изображением на экране.

Он еще даже ходить не умел, лежал на коврике, но слегка приподнял голову и смотрел, не мигая, время от времени издавая негромкие звуки, словно и правда все понимал и неосознанно учился, повторяя за видео.

Мо Цянь сохранял одну и ту же позу столько, сколько малыш смотрел видео.

У него с самого начала была догадка, и теперь она, кажется, получила подтверждение.

Но этого было недостаточно. Все еще впереди.

Поздно уже. Главная задача ребенка — есть, спать и расти. Когда Гуньгун выглядел уставшим, сложил голову на свои лапки и периодически менял позу, Мо Цянь, игнорируя протестующие звуки, выключил видео и отнес его к кормушке.

Сюн Мао ничего не оставалось, как поддаться — живот действительно был голоден, и он послушно взял соску.

Когда он наелся, добросовестный смотритель отнес его в ванную, усадил в раковину, набрал теплой воды и стал купать.

Движения мужчины были неумелыми, но нежными, и Сюн Мао, находясь в теле панды, чувствовал, как каждая пора раскрывается, а мышцы расслабляются. Он с наслаждением выдохнул, и душа его воспарила: раньше слышал, что кое-где сохранилась услуга ручного мытья, наверное, это то самое чувство, неудивительно, что люди платят большие деньги.

Молодой генерал, которого зверек использовал как бесплатного банщика, расторопно выловил юного господина Гуньгуня, когда у того нос стал уходить под воду. Сменив воду и продолжая купание, он про себя оценил состояние питомца: вес прибавился, шерсть стала плотнее, даже после намокания он остается пухленьким. За последние дни никаких плохих реакций не было, ночью он больше не вздрагивал, значит, здоровье в порядке, можно не переживать о случайных приступах ночью.

Хоть по лицам этого было не понять, но купание доставило удовольствие обоим.

Закончив, Мо Цянь с помощью высокой технологии быстро высушил шерстку зверька, вернул его в постель, а потом направился приводить в порядок себя.

Когда он вышел из ванной, неискушенный Сюн Мао почувствовал очередной визуальный удар.

В отличие от прошлых дней, смотритель впервые сменил свой черный мундир на серый полосатый пижамный костюм. Мягкая ткань не делала его фигуру менее статной, лишь добавляла другого очарования: исчезла острота, отталкивающая чужих, он выглядел прочным и совершенно неагрессивным, как огромное вековое дерево в поле — органичное, незыблемое, дающее заблудившемуся волчонку и направление, и место для ночлега.

Его волосы больше не были аккуратно зачесаны назад, а рассыпались сами по себе, несколько прядей мягко падали на лоб, и капли воды показывали, что он не стал сразу их высушивать, как делал обычно.

Прожив здесь несколько дней, Сюн Мао уже понял, что, хотя он называет его смотрителем, тот не является специалистом по пандам, но это единственный человек, который серьезно заботится о нем. Он впервые видел его в таком виде.

Сюн Мао не знал, что заставило того так расслабиться, он просто чувствовал, что сам заразился этим настроением, хотелось лежать вот так, мягко и расслабленно, опустошить голову и ни о чем не думать.

Мо Цянь не позволил ему просто лежать. Он коснулся окна в пол, и створки разъехались в стороны.

Подняв малыша на руки, он сел на пол, скрестив ноги у окна, положил Гуньгуня к себе на колени и стал медленно гладить от головы до хвоста.

Мягкий ночной ветерок обдувал их. На Боге-Стар ночью почти не было звезд, не слышно стрекота насекомых, лишь изредка доносился гул из недр планеты, но покой казался незыблемым.

Оба молчали, и со стороны они напоминали отца и сына в одинаковой одежде, наслаждающихся ночной красотой.

В этой расслабленной атмосфере Сюн Мао постепенно погрузился в сон.

Он вернулся в детский дом, в котором вырос, к входным дверям.

Это был день, когда дядя-спонсор обычно приезжал к ним.

В памяти осталась большая пустота; говорят, когда его нашли, у него был жар. Поскольку возраст был уже не мал, он упустил лучшее время для удочерения, так и оставшись там надолго. В приюте были и другие дети в похожем положении, но большинство из них имели физические дефекты.

Он всегда считал себя очень везучим, и основной причиной такой удачи был дядя-спонсор, который приезжал каждый месяц.

Он представлял частный научно-исследовательский институт, помогал детям материально, но всегда находил время, чтобы поговорить с ним наедине.

Чаще всего дядя приходил в гражданской одежде, иногда — в форме института. Она была белой, с вышитыми на воротнике перекрещенными листьями лианы, и ее очень легко было испачкать — в приюте детям никогда не давали носить белое, даже если приносили в дар.

В детстве Сюн Мао всегда казалось, что дядя в белой форме выглядит ослепительно красиво. Повзрослев, он понял, что это было сияние профессионализма и мудрости. Он инстинктивно стремился к этому сиянию.

Дядя иногда дарил ему ручку, иногда книгу, неизменно добавляя строгое: «Старайся быть полезным человеком».

Он хорошо запомнил эти слова, жил правильно, учился усердно.

Иногда, видя его успехи, дядя по-доброму похлопывал его по голове.

Толстая ладонь взрослого человека, полная силы, вызывала зависть.

Когда он наконец закончил учебу, начал работу и только попробовал стать полезным человеком, все внезапно оборвалось.

Печаль, словно метеорит, рухнула с небес и с глухим звуком ударила по его сердцу.

Он приготовился терпеть бесконечную боль, но сердце внезапно окутало теплое облако, и твердый камень превратился в легкий листок.

Кто-то нежно гладил его толстой сильной ладонью. Сила этой ласки заставила воду течь, лист на поверхности воды покружился, а затем был унесен потоком.

Его больше не было.

Получив отказ от этого алмазного человека по поводу ее гениального предложения, Фиби с яростью погрузилась в работу. Черета усилий действительно позволила ей обнаружить несколько мелких огрехов. Отправив информацию в штаб для подтверждения, она подняла голову и обнаружила, что ее короткая стрижка от негодования встала дыбом.

Это никак не вяжется с образом богини.

Фиби тщательно привела себя в порядок, надела женский вариант черного мундира, который заставила пошить логистов базы, и решила отправиться мучить комочка из дома алмазного человека.

Жилой корпус офицеров базы на планете Бог-Стар занимал всего два этажа, и там пустовало еще много комнат. Будучи единственной женщиной на базе, Фиби занимала весь второй этаж в одиночестве.

Как фактический сотрудник разведки, Фиби привыкла работать по ночам, а утром вставала поздно, так что к моменту ее выхода остальные уже давно были заняты своими делами, и она не встречала ни души. Ко всему прочему, под влиянием Мо Цяня офицеры обедали в общей столовой, и в здешней маленькой столовой она была единственным гостем. Можно сказать, если она специально не искала встречи или кто-то специально не искал ее, она могла спокойно избегать почти всех, за исключением немногих сотрудников.

Это было осознанным выбором.

Сегодняшний случай стал исключением. Бессонная ночь за работой и нарастающее раздражение давали ей море энергии, спать не хотелось вовсе, нужно было срочно пойти погладить комочка, чтобы сбить пар, иначе она боялась, что сорвется и прилюдно врежет кое-кому.

Но стоило ей завернуть за лестницу, как она увидела, что кое-кто стоит у лестничного марша и заглядывает вверх.

Заметив ее, он инстинктивно дернулся, будто хотел сбежать, но на полдороге замер. Опустив взгляд, он стряхнул с края брюк несуществующую пыль, поднял всклокоченную голову и бесстрастно произнес:

— Доброе утро.

Глядя на его бороду, которая, казалось, превращалась в густой лес, Фиби подумала: «У него точно лицо покраснело», но вслух холодно бросила:

— Какое оно доброе? В этом месте даже нормального завтрака нет.

— Почему ты...

Ся Ци не смог договорить.

Он хотел спросить «Почему ты прилетела на Бог-Стар, тут такие плохие условия», хотел спросить «Твоя работа не требует присутствия здесь, в штабе удобнее», но не смог произнести это вслух. В глубине души он смутно догадывался, почему. Хотел уточнить, но боялся получить ответ, на который рассчитывал, и еще больше боялся ответа, которого не ожидал. От такой нерешительности его борода стала еще более нелепой.

Фиби решила его промучить и не стала пропускать вопрос.

— Почему приехала? Ты что, интернет не читаешь? Конечно, ради вашего генерала Мо Цяня. Считаю, что он единственный, кто достоин меня, а он взял и отказал. Наверное, еще не знает, насколько я хороша. В этот раз я специально подала прошение отцу о переводе на Бог-Стар, уверена, скоро получишь приглашение на нашу свадьбу.

Зная, что это ложь, Ся Ци все равно почувствовал, как жар отлил от лица. Он смотрел на человека, что смотрел на него свысока, и не мог удержаться от мысли: почему он раньше не заметил, что она такая ослепительная? Почему поверил, что она тоже страж? Теперь он мог изо всех сил стараться удержать ноги от желания пойти вслед за ней, но не представлял, что сделать, чтобы она снова стала той беззаботной и гордой особой, какой была раньше.

<http://bllate.org/book/19102/1876153>